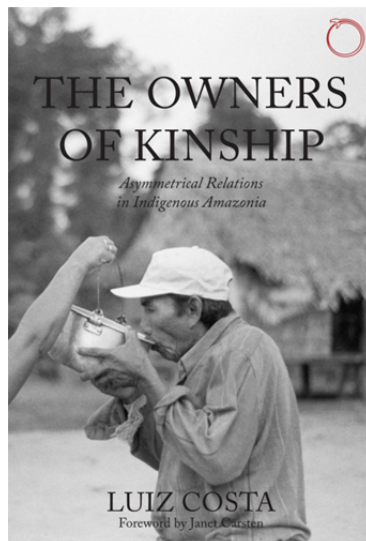

УДК 392.311

DOI: 10.17223/2312461X/26/14

МЕТАФОРЫ РОДСТВА В АМАЗОНИИ

Costa L. The owners of kinship:
Asymmetrical relations in indigenous
Amazonia. Chicago: HAU Books,
2017. 275 p.
ISBN 978-0-9973675-9-1

Книга выпущена в свет издательским домом HAU Books, The University of Chicago Press в престижной серии *Malinowski Monographs*, которая, как гласит анонс, предваряющий текст публикации, была инициирована «в честь создателя термина “этнографическая теория” и призвана представлять читателю работы, являющиеся уникальным вкладом в антропологию и демонстрирующие кардинально-инновационные прорывы, ведущие к появлению новаторских этнографически инспирированных теорий или бросающие вызов тому, как “этнографическое” понимается сегодня» (р. iii). Возможно, именно этот амбициозный посыл сыграл плохую шутку с автором рецензируемой монографии. Стремясь соответствовать столь высоко поднятой планке, Луис Коста на протяжении всей книги декларирует оригинальность конструируемой им теоретической модели родства и необычность – чуть ли не диаметрально противоположность всему остальному фактическому материалу, относящемуся к культурам индейцев Амазонии, – собственных полевых данных. Не будь этого, могла бы получиться хорошая книга, так как автор вел многолетние полевые исследования в удален-

ных индейских поселениях Амазонии, тщательно – не только как этнограф, но и как лингвист – изучал язык той группы индейцев, с которой работал, и использовал множество этнографических, лингвистических, социоантропологических публикаций, среди которых преобладают португало- и испаноязычные работы, посвященные коренному населению Южной Америки.

Луис Коста – доцент Института философии и социальных наук Федерального университета Рио да Жанейро, участвующий в реализации образовательных программ по социологии и антропологии. Он начал свои полевые исследования в 2002 г., результаты этой работы легли в основу докторской диссертации (PhD), защищенной в 2007 г. Через десять лет вышла рецензируемая книга. Полевой материал, на котором она базируется, собирался преимущественно в первой половине 2000-х гг., хотя последняя экспедиция, отраженная в книге, состоялась в 2015 г. В общей сложности Коста провел в поле примерно 20 месяцев.

Группа индейцев, культуру которых он исследовал, локализуется (или до недавнего времени локализовалась) в бассейне реки Итаквари (рукав реки Жавари, правый приток Амазонки) и относится к этнической общности *канамари*. Канамари говорят на языке *катукина*, который принадлежит к лингвистической семье *пано*. Некоторые из них знают португальский. В прошлом это были ручные земледельцы, охотники и собиратели. По переписи 2010 г. канамари насчитывали 3 167 человек (р. 10), основная их часть населяла притоки реки Жавари, в последние годы все большее число из них перебирается на время или навсегда из мелких деревень глухой сельвы в более крупные поселения и в города, занимаясь нерегулярным наемным трудом. Традиционная культура канамари и их исторические судьбы до сих пор остаются недостаточно изученными.

К сожалению, Луис Коста пренебрегает традиционными подходами к структурированию этнографических трудов, когда прежде всего хотя бы кратко описываются присущие исследуемой культуре способы жизнеобеспечения, формы поселений (жилища) и система питания, а также основы социального структурирования. Некоторые сведения обо всем этом читатель вынужден вычленять небольшими порциями из текстов глав, посвященных иным сюжетам, некоторые так и остаются недоступными. Нет в книге и привычных этнографу описаний системы родства канамари, так что книга о родстве парадоксальным образом оказывается не слишком информативной для того, кто хотел бы более или менее ясно представить общую картину родственных связей, образуемых ими структур и институтов у этого народа. Книга не о том.

На гребне «новой волны» в «kinship studies», Коста, отнюдь не самостоятельно, а идя по пути, уже проложенному ведущими авторитетами, в частности М. Салинсом (Sahlins 2013), ищет особую словесную фор-

мулу, которая отражала бы квинтэссенцию понимания, восприятия, осмысления представителями изучаемой культуры связей между людьми, квалифицируемыми ими как родственные. Иными словами, словесную формулу того, что делает родство родством у канамари. Коста берет за основу подход Салинса к родству как культурному конструкту, суть которого – «mutuality of being» («взаимность бытия», «взаимосвязь бытия»). Суть эта, по Салинсу, одна и та же в разных культурах, а вот то, как он, конструкт, отражается в сознании людей и какое словесное обличье принимает, существенно варьирует от культуры к культуре. Однако типичным средством выражения локального понимания сути родства служит некая емкая метафора, которая «кодируется» в одном или нескольких словах, обретающих сложное, многозначное и всеми принимаемое содержание. Попутно отметим, что израильская исследовательница Н. Берд-Дэвид именует такие вещи конвенциональными идиомами (Bird-David 2019: 37).

Следуя именно в этом направлении, Коста находит адекватные для канамари конвенциональные идиомы в понятиях «владение», «кормление», «совместный прием пищи» (commensality), «контроль», а также «зависимость» или «подчинение» и заявляет об этом на первых же страницах книги, а затем весьма детально анализирует смысловые и символические аспекты лексических прототипов названных понятий, имеющих в языке катукина. Получается, что родство во множестве ситуаций мыслится и ощущается у канамари как владение одним субъектом (можно употребить и слово «актор») телом другого субъекта (актора). Владение это как бы выстраивается в процессе кормления одного субъекта другим субъектом. Тот, кто кормит, овладевает в процессе кормления телом окормляемого и тем самым достигает контроля над последним, а окормляемый оказывается в подчиненном или в зависимом положении по отношению к кормящему. Само собой, понятно, что отношения, таким образом, оказываются асимметричными. А «совместный прием пищи» (commensality) способствует достижению салинсовской «mutuality of being» («взаимности бытия», «взаимосвязи бытия») и тем самым балансу в позициях людей, считающихся родственниками.

Коста демонстрирует, как «делается» асимметричное родство, в главе, посвященной выкармливанию индейцами канамари, преимущественно женщинами, всевозможных животных питомцев – детенышей обезьян, тапиров или пекари, принесенных охотниками из леса. Излишним будет, конечно, упоминать, что отношения между женщинами и питомцами формируются асимметричными, и что женщины в результате оказываются владелицами питомцев.

Следующая глава посвящена тому, как шаман путем магического «кормления» овладевает духом ягуара и, стало быть, сродняется с этим

зверем и одновременно с его духовной субстанцией, подчиняя ее себе. Глава изобилует сведениями о мифоритуальном комплексе канамари, сопряженном с мистической персонификацией ягуара как наиболее сильного и грозного обитателя леса, и содержит много интересного, но мало чем, на взгляд рецензента, связанного с родством. Кроме того, сплошь и рядом трудно отделить мифологические представления канамари от толкований, которые им дает автор.

Любопытный раздел книги посвящен тому, как индейцы относятся к животным-питомцам, с одной стороны, и к скоту, полученному от белых, — с другой. Мясо выкормленных в деревне животных-питомцев никогда не употребляют в пищу, так как они уподоблены родственникам, их любят, о них заботятся. Мясо же скотины «белых» индейцы употребляют в пищу, но при этом ее не кормят. Попав в деревню канамари, домашние животные «европейского происхождения» оказываются, если их сразу не съели, вынужденными самостоятельно добывать пропитание, бродя между хижинами и подбирая отбросы, или голодать. «Белых» же людей канамари считают канныбалами, потому что они едят тех, кого выкармливают, т.е. своих родственников!

Только в середине книги Коста переходит к анализу отношений между человеком и человеком, а именно между новорожденным ребенком и вскармливающей его матерью, а затем и отцом. Так же, как и с питомцами-животными, родство с новорожденным «делается» в процессе его кормления и овладения его телом. Но здесь вклинивается еще одна обширная тема — тема кувады.

В свое время А.Н. Максимов (1900) подметил, что кувадой сплошь и рядом называют обычаи трех разных типов. Это, во-первых, имитация родов мужчиной, что практиковалось исключительно, насколько нам известно, у индейцев, в первую очередь — в Амазонии. Во-вторых, это некие испытания, в процессе которых отец первенца должен доказать, что достоин нового, более высокого социального статуса, нечто вроде обрядов перехода, и, наконец, это пост и иные ограничения и табу, которые временно накладываются на родителей. И второе и, в особенности, третье в традиционном контексте имело широкое распространение по всему миру. Коста сосредоточен только на третьем, причем удивительным образом обнаруживается, что — в отличие от аналогичных традиций всего остального мира, в том числе и индейской Амазонии — у канамари родители новорожденного постятся и соблюдают иные обременительные правила поведения не ради блага ребенка, а ради своего собственного и иных родных, так как явившийся на свет новый человек воспринимается в качестве существа враждебного, несущего множество опасностей мистического свойства.

В последующем изложении содержатся опять-таки не связанные напрямую с темой родства, но в ряде отношений весьма интересные

мифологические и легендарные представления канамари о происхождении «белых» людей и их внедрении в жизнь автохтонного населения, а также предания индейцев о собственном прошлом.

В Заключении суммируются главные концептуальные положения автора и приводятся впечатления его последней экспедиции к канамари. Эти страницы проникнуты столь близкой каждому этнографу горечью, испытываемой при виде стремительного падения древней самобытной культуры, на смену которой внедряются лишь фрагментарные заимствования из культуры пришедшей, развивающейся по чуждым и сплошь и рядом недружественным траекториям.

В целом у рецензента сложилось впечатление, что автор книги, к сожалению, загнал себя в сети модных, туманных и во многом схоластичных идей и запутался в них, написав работу с дряблой структурой и эклектичным содержанием, в которой он живую этнографическую реальность представил сквозь призму надуманных и заимствованных конструктов, вместо того, чтобы идти от жизни к пусть и скромным, но подлинно самостоятельным, оригинальным обобщениям.

Литература

- Максимов А.Н. Несколько слов о куваде // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 90–105.
Bird-David N. Chapter 1. Where have all the kin gone? On hunter-gatherers' scale, kinship and sharing // Cambridge monograph: Towards a broader view of hunter-gatherer sharing. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
Sahlins M. What Kinship Is – and Is Not. Chicago: University of Chicago Press, 2013.

О.Ю. Артемова

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 14 октября 2019 г.

Atryomova Olga Yu., Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow)

METAPHORS OF KINSHIP IN AMAZONIA

Review of Costa L. *The owners of kinship: Asymmetrical relations in indigenous Amazonia*. Chicago: HAU Books, 2017. 275 p. ISBN 978-0-9973675-9-1

References

- Maksimov A.N. Neskol'ko slov o kuvade [A few words on couvade], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1900, no. 1, pp. 90-105.
Bird-David N. Chapter 1. Where have all the kin gone? On hunter-gatherers' scale, kinship and sharing. In: *Cambridge monograph: Towards a broader view of hunter-gatherer sharing*. Cambridge University Press, 2019.
Sahlins M. *What Kinship Is – and Is Not*. Chicago: University of Chicago Press, 2013